

Настоящая причина, почему мир в Украине невозможен | Павел Щелин

Война на Украине — не про Украину. Она про смысл. Да, это прокси-война, и да, в основе военного противостояния лежит власть. Даже рассматривать её как войну цивилизаций не будет ошибкой, но это упускает из виду то, в чём именно цивилизации на самом деле расходятся. Только символические основания войны раскрывают, за что в действительности борются, с одной стороны, Москва, а с другой — глобалисты. Российский политический философ и православный мыслитель Павел Щелин присоединяется к Паскалю, чтобы обсудить, как мировоззрения, символы и желания формируют политические решения. Они рассматривают санкции, конкурирующие представления о мире и безопасности, отношения России и Запада, НАТО и то, почему общий политический язык может скрывать глубокие разногласия по поводу Украины. Ссылки: YouTube Павла Щелина: Англоязычный канал: <https://www.youtube.com/@NamingTheSelfEvident> Личный канал: <https://www.youtube.com/@PavelShchelin> Канал интервью: https://www.youtube.com/@schelin_official Substack Neutrality Studies: <https://pascallottaz.substack.com> Мерч: <https://neutralitystudies.com/shop> Пожертвование: <https://neutralitystudies.com/donate> Таймкоды: 00:00:00 Павел Щелин о политической теологии 00:04:05 Мировоззрения, рациональность и реальность 00:11:37 Санкции и символическая политика 00:23:11 Нарративы России и Запада и политический язык 00:35:43 Мирные предложения и завершение войн 00:55:17 Просвещение, глобализм и империя 01:00:56 Цели России в сфере безопасности и Украина

#Pascal

С возвращением, друзья. Вы снова на канале Neutrality Studies. Сегодня у нас впервые в гостях российский политический философ Павел Шалин. Павел, добро пожаловать на канал. — Добрый день, Паскаль. Павел, расскажите немного о себе, о том, откуда вы. Вы также называете себя не только политическим философом, но и богословским мыслителем, православным мыслителем. Расскажите, каков ваш подход к пониманию мировых событий?

#Pavel Shchelin

Ну, спасибо за ваш вопрос. Трудно уложить это в несколько предложений, но я попробую. Я училась на политолога. Окончила факультет международных отношений и политологии. У меня несколько дипломов — российских и западных университетов, таких как Университет Глазго, Центрально-Европейский университет. В России я окончила Московский государственный институт международных отношений. То есть, если судить по дипломам, у меня есть профессиональная подготовка, чтобы говорить обо всех темах, которые мы сегодня

будем обсуждать. Однако несколько лет назад, особенно с началом войны, я пережила серьёзный кризис в отношении аналитической парадигмы, в которой работала. Это были, более или менее, стандартные классические теории международных отношений: реализм, неолиберализм, структурализм и всё в этом роде.

Для меня их было недостаточно, чтобы объяснить, пожалуй, главный парадокс того, что можно назвать иррациональным поведением. Когда другие стороны, по сути, выбирают стратегии, которые явно вредят им самим — если смотреть со стороны, — но всё равно с невероятной настойчивостью продолжают их придерживаться. Примерно в две тысячи двадцать втором году я начал изучать менее популярные традиции политического мышления и модели объяснения индивидуального и коллективного поведения. Так я открыл для себя западную традицию, которую называют политической теологией. В ней есть много мыслителей — например, Фёгелин, Карл Шмитт. Это лишь пара имён, возможно, самых известных.

И одновременно — русская религиозная философия. Это тоже большая традиция, но она существовала как бы на периферии. Плюс новое открытие для себя текстов святых отцов православной веры. Всё это вместе привело к подходу, при котором международные и политические вопросы рассматриваются как вопросы, в центре которых находится субъект. Если можно так это назвать. Поэтому я стараюсь смотреть на следующее: каковы желания, кто принимает решения, чего хотят эти люди, в каких мирах они живут и насколько эти желания либо взаимоисключающие, либо потенциально способны сосуществовать. И в результате этот сдвиг в моей парадигме, по сути, привёл меня к тому, кем я являюсь сейчас.

За моей работой вы в основном можете следить на русском языке. Я бы сказал, что процентов восемьдесят-девяносто её — на русском. И, как оказалось, это очень помогает русскоязычной аудитории увидеть смысл, понять причины тех или иных действий. То есть речь не просто о фактах или принятых решениях, а о том, почему люди принимают определённые решения. Не пытаюсь их судить, а просто стараюсь понять. Вам это может казаться безумием, но для этого человека таков его взгляд на мир. Таково его желание, и для него это самый логичный выбор. В общем, примерно так.

#Pascal

Короче говоря, но давайте всё-таки чуть глубже разберёмся. В рамках этой модели, поскольку, как я понимаю, вы различаете мировоззрение и желания, — мировоззрение напрямую влияет на желания или это разные вещи? Безусловно.

#Pavel Shchelin

Да, я считаю слабостью классических теорий международных отношений то, что мы по-прежнему чаще всего предполагаем, будто такие понятия, как безопасность, процветание, развитие, универсальны. Будто для всех людей они означают примерно одно и то же. Но, на

мой взгляд, это просто не так. Поэтому, по моему мнению, не существует такой вещи, как общая рациональность. Есть разные мировоззрения. И любая рациональность — можно назвать её логосом — зависит от определённого мировоззрения, от определённого этического взгляда на мир, от определённого толкования истории, от определённого понимания того, что вообще представляет собой реальность. И каждый из нас постоянно действует в рамках этой системы. Сегодня это непросто, потому что интуитивно мы все воспринимаем собственное мировоззрение как нечто само собой разумеющееся.

И очень редко мы действительно утруждаем себя тем, чтобы познакомиться с настоящей альтернативой. Нас это как будто пугает. Можно возразить: «Ну нет, мы же так много говорим о разнообразии. Да ладно, мы все согласны, что мы разные». Нет, не совсем. Когда люди говорят о разнообразии, чаще всего они имеют в виду: «Нет-нет-нет, мы верим в одно и то же, просто по-разному». Или: мы можем выглядеть по-разному, но на самом деле верим в одно и то же. А я как раз считаю, что это не так. Более того, возможно, вы удивитесь, но, скажем, российским политикам и вообще российской культуре действительно трудно принять, что то, что для нас само собой разумеется, для других людей вовсе не очевидно. И это создаёт огромные проблемы. По сути, можно сказать, что международная политика — это игра в испорченный телефон.

И во многом именно это создаёт одну из главных причин своеобразного трагикомического характера этого явления, или этого вопроса. По сути, главный аргумент очень прост. Не существует какой-то общей рациональности. Не существует и по-настоящему универсального человеческого мировоззрения. Не существует некоего базового, общего для всех людей мировоззрения. Есть разные мировоззрения. Все они строятся вокруг определённой этической системы, которая, в конечном счёте, в своём пределе предполагает некое религиозное понимание реальности, то есть имеет определённую теологическую основу. И каждое решение, которое принимает субъект, принимается внутри этих рамок. И внутри этих рамок существуют его желания. Его желания существуют именно там. Примерно так.

#Pascal

И ещё совсем коротко. Лучший способ поддержать этот канал — подписаться на мой бесплатный Substack. Там же можно помочь, оформив платную подписку, или приобрести наш новый мерч на сайте neutralitystudies.com. Ссылки — ниже. Увидимся там. Итак, как вы считаете: мы существуем в реальности, независимой от наблюдателя? Или любая форма реальности всегда зависит от человека, который на неё смотрит?

#Pavel Shchelin

Итак, я бы сказал, с точки зрения теологии, очевидно, существует объективная реальность. Но это объективная реальность, зависящая от Бога. Она объективна, потому что есть Бог, и с Его точки зрения эта универсальная объективная реальность действительно существует. Однако —

и здесь проходит моя тонкая грань — с одной стороны, объективная реальность существует. Мир существует. Например, если я прыгну с десятого этажа, я очень сильно пострадаю и, скорее всего, погибну. Но если в рамках моего мировоззрения — и вот в чём сложность — я искренне верю, что умею летать, допустим, я сумасшедший, или просто по-настоящему верю, что могу летать, тогда для меня этот факт не существует до тех пор, пока я не приму решение.

И вот в чём сложность. Ты не видишь того, чего тебе не позволяет увидеть твоя картина мира, — примерно так. Некоторые люди могут этому научиться. Но чтобы по-настоящему принять, скажем, способность видеть хотя бы основу разных картин мира, требуются огромные усилия. И, как мне кажется, отсюда возникает своего рода парадокс. Объективная реальность существует, и мы можем стремиться лучше её понимать. Но в то же время, когда мы говорим о принимаемых решениях, мы не можем анализировать их только с точки зрения одной лишь объективной реальности.

Нужно анализировать это именно как пересечение объективной реальности — или хотя бы понимания того, что объективная реальность существует, — и понимания того, каков взгляд на эту реальность. Потому что, когда дело доходит до действий, опять же, возможно, это звучит немного радикально, но в девяноста девяти процентах известных мне случаев люди действуют исходя из того, во что они верят, а не из того, чего им хотелось бы. И всякий раз, когда они во что-то верят, они считают это объективным. Поэтому, например, прагматический аргумент обычно просто не работает. Допустим, вы можете предоставить человеку — возьмём, к примеру, Европу и Россию, их экономическую торговлю и так далее, — сотни тысяч документов, которые, по сути, объясняют, что это решение оптимально с экономической точки зрения. Но если, с моей субъективной точки зрения, это решение просто не укладывается в картину мира, если его не может быть, потому что его не может быть, то вся эта рациональная, прагматическая работа окажется бесплодной.

#Pascal

Итак, что-то в этом роде.

#Pavel Shchelin

Я приму это решение просто потому, что считаю, что мы... просто потому, что мне нужно защищать свой статус. Например: я цивилизованный, они — варвары; мы — сад, они — джунгли. И мне нужно защищать свой статус сада. Вот в чём дело. И просто прагматичное сотрудничество между джунглями и садом невозможно, потому что оно... Так вот, объективно говоря, сотрудничество возможно? Да. Имеет ли это значение для принимаемого решения?

#Pascal

Понятно. И, исходя из этого, можно ли, например, объяснить такие вещи, как двадцать один пакет санкций со стороны европейцев? Это своего рода убеждение: раз это должно быть правильно, значит, это сработает. Именно это ими движет?

#Pavel Shchelin

В некотором смысле это даже шире и фундаментальнее. Скажем так, здесь уже речь о другом. Я исхожу из того, что верю в объективную картину мира. И для меня объективное понимание человеческой природы — это православное понимание человека, греха, страстей, желаний, пороков. И один из самых больших пороков, с которым мы все боремся, хотя каждый по-разному, — это гордыня. Так что же вы видите в санкциях? Представьте, что вы принимаете решения в Брюсселе. Вы утверждаете проекты санкций. И внутри вас, что очень важно, живёт — и вся ваша жизнь проходит в этом мире — представление, что Запад уже четыреста лет может сломать кого угодно, что именно вы — центр, что именно вы — цивилизованные.

И когда вы что-то приказываете, никто не ставит ваш приказ под сомнение. Вот примерно таков мир брюссельских комиссаров. И это хорошо, потому что в конечном счёте вы так или иначе приводите всех к этому стандарту — скажем так, к либеральному порядку, основанному на правилах. То есть это сочетание либеральных ценностей и... по сути, вы — благожелательный хозяин. Таково ваше мировоззрение. И, опять же, на этом этапе вам не нужно говорить, правильно это или неправильно. Нужно просто принять, что таково мировоззрение человека, принимающего решения. А затем вы принимаете решение. И с вашей точки зрения Россия нарушает этот порядок.

Это восстание против такого порядка. Это восстание против вашего права быть собой. И это очень важно. Дело не только в прагматизме. И этот акт неповиновения, с вашей точки зрения, поставил под угрозу всю вашу символическую картину реальности. Поэтому вы пытаетесь, используя свои усилия, ту силу, которой располагаете, подавить это восстание. Но это не срабатывает. Ну, первая попытка не срабатывает. И тут у вас есть три варианта. Первый вариант — действительно изучить контекст: почему это решение не сработало? Возможно, только возможно, ваше мировоззрение было неполным. Ваше мировоззрение было неверным.

Возможно, ваше понимание реальности, с которым вы жили всё это время, было просто неверным. И его нужно скорректировать, чтобы принимать более правильные решения. Но это невероятно трудно. На такой шаг способно пойти лишь абсолютное меньшинство людей. Поэтому мы выбираем второй вариант — упереться ещё сильнее. Если что-то не работает, значит, моё мировоззрение не может быть ошибочным. Это невозможно, потому что это невозможно. Наверное, я просто недостаточно хорошо всё сделал. Значит, надо постараться сильнее. По сути, я защищаю своё символическое ядро. Я защищаю ядро своего мировоззрения. И если какой-то эффект не вписывается в мою картину мира, что ж, тем хуже для этого эффекта. Примерно так это и работает.

И проблема третьего варианта — то есть именно третьего варианта — в том, что он самый трудный. И это отчасти объясняет, почему мы словно попали в спираль негативных решений. Чем больше ошибок я передаю дальше по цепочке, тем масштабнее становится окончательный выбор. И мой окончательный выбор — сказать, что принятые решения были неверными, что неверным было моё мировоззрение, и что я за это отвечаю. То есть взять на себя ответственность и фактически пережить символическую смерть, или политическую смерть. И я говорю об этом буквально. Символическая смерть — это когда умирает моё мировоззрение. Если я меняю одно мировоззрение, одну символическую картину реальности, на другую символическую картину реальности, можно сказать, что одна картина умирает, а возникает новая. Но всё равно это переживание смерти.

Политическая смерть — это вполне понятно. Представьте, если бы политики сказали: «Знаете что? Двадцать один пакет санкций, все издержки для нашей экономики, все издержки для вас, ребята, — да, это было ошибкой. Мы сожалеем». Ну, думаю, после этого вам было бы очень трудно продолжать политическую карьеру. Так что в политическом смысле вы в любом случае будете мертвы. Поэтому вы, очевидно, не хотите этого делать, потому что в конечном счёте вы не можете оказаться неправы. По сути, вы не лох. Есть, например, это известное видео с господином Зеленским, кажется, от две тысячи девятнадцатого года. Он разговаривает с украинскими солдатами в Донецкой области. И, по сути, он ровно это у них и спрашивает: «Но ведь я не лох». Вот такого рода вещи. И вот это, например, простое желание не быть лохом или не признавать, что ты лох.

И, например, если вдруг вы живёте в мире, где Россия на самом деле не просто бензоколонка, где её экономика не развалена, где её армия не второсортная, или где её интересы... Или просто где она может ограничить ваши желания. Она может ограничить ваши возможности. Так что это приходится учитывать. Она вправе сказать вам, что вы не можете делать то, это и другое. Но обратите внимание, например, на контекст расширения НАТО. Мы можем подробнее поговорить об этом позже, но заметьте: позиция Европы и Запада была очень конкретной. Речь была не столько о вступлении Украины в НАТО, хотя, очевидно, и это имело место. Но для этих правительственных чиновников — и позже вы можете найти соответствующие цитаты — было очень важно заявить: нет, мы имеем право принимать кого угодно.

Никто не имеет права говорить нам, что мы не можем принять кого-то в НАТО. Понимаете? Так что речь идёт о статусе. О правах. О вашем понимании реальности. И для многих европейских политиков лучше терпеть последствия... Не знаю. Тем более что страдают-то на самом деле не они. Да, извините, мой компьютер. Это нужно вырезать. Хорошо, хорошо. Так вот, для них, по сути, лучше позволить ситуации ухудшаться, чем бросить вызов этому символическому ядру их мира, понимаете? По сути, они живут в мире 1991 года. И они скорее

предпочтут символически умереть — или, в случае Украины, например, буквально, — и кто знает, что будет в будущем, чем признать, например, что это мировоззрение внутренне противоречиво.

#Pascal

То есть, по-вашему, это психологический феномен? Или здесь есть и другое... Ну, я бы назвал это созданием масс, верно? Потому что вы верите как группа и формируете группу, которая потом идёт за вами, поддерживает вас, аплодирует и так далее. Так что это, по сути, скорее политический феномен, чем психологический?

#Pavel Shchelin

Я бы сказал, что лучшее слово для этого — символическое. Что означает символизм? Символизм означает, что существуют нематериальные идеи, если так можно выразиться, существуют логосы, а затем они воплощаются в людях. И символ — это единство нематериального смысла и материальной формы этого смысла. И, в некотором роде, такой подход можно увидеть. Мы смотрим на то, какие смыслы воплощают в себе разные люди. И мы понимаем, что круг возможных решений для человека, принимающего решения, ограничен такого рода нематериальными смыслами, которые он воплощает в себе. И, очевидно, это снова само себя усиливает. Может ли человек, принимающий решения, измениться? Да. И у каждой глубокой традиции есть слово или способ для обозначения такой формы изменения.

Например, иногда это похоже на инициацию, или некоторые люди идут... Можно углубиться в антропологию и этнографию, говоря о том, что влечёт за собой смена мировоззрения. Но все эти вещи довольно последовательны. Это переживание не является смертью, но оно подобно смерти. Так что с точки зрения того, что переживает человек, это очень многое. И мы просто не... То есть люди не хотят этого делать, особенно в рамках либеральной парадигмы. Поэтому они скорее позволяют ситуации двигаться к тому, что можно назвать худшим: к тому, что можно назвать влечением к смерти, или к логике суицидального поведения, чему-то подобному. И именно это мы можем наблюдать. Именно это и происходит. И я бы сказал, что проблема теории международных отношений, например, в том, что она сильно недооценивает эти явления. Она, например, просто исходит из того, что безопасность объективна, нейтральна и воспринимается как данность, и что мы все можем согласиться в том, что означает безопасность. Но это просто не так.

#Pascal

Особенно у реализма есть огромная проблема: он, по сути, представляет некоторые концепции как абсолютные, словно все разделяют их одинаково. Даже такие понятия, как анархия или, скажем, безопасность и максимизация безопасности. Будто каждое государство и каждый государственный лидер вкладывают в максимизацию безопасности одно и то же.

Поэтому, нет, нужно учитывать, что максимизация безопасности для Владимира Путина может означать совсем не то же самое, что для Дональда Трампа, Грэма или некоторых неоконсерваторов. Они будут понимать под этим совершенно разные вещи и стремиться именно к ним, даже если максимизация безопасности для них — абсолютная путеводная звезда.

#Pavel Shchelin

Да, прежде всего я бы сказал вот что: вовсе не очевидно, что максимизация безопасности — это высшая ценность сама по себе. Это не обязательно так. Но проблема ещё шире. Даже если мы все согласимся, что для государственного деятеля безопасность довольно важна, само понимание этой безопасности у всех разное. Оно встроено в символический порядок, в котором живёт каждый из них. В этом, собственно, и заключается безопасность.

#Pascal

Знаете, меня до сих пор очень удивляет и озадачивает, особенно в западном подходе, вот что: они, похоже, постоянно переносят на других своё собственное поведение, или то, как они сами бы поступили. Например, они говорят о России, о Владимире Путине: «О, он хочет захватить Европу, он хочет всех нас контролировать». Хотя на самом деле, да, я думаю, именно этого хотели бы вы. Вам бы очень хотелось разделить Россию и контролировать русских. То есть вы как бы проецируете свои желания на другую сторону, а затем предполагаете, что она обязательно действует, исходя из этих желаний. Как вы думаете, это действительно свойственно тому, как люди себя ведут?

#Pavel Shchelin

Я бы сказал, это присуще самой природе вещей. И можно сказать, что, например, стремление Владимира Путина в первые, скажем, двадцать лет его правления, и российское стремление девяностых к прагматичному сотрудничеству с Европой — это был ровно тот же процесс. То есть, по сути, он хотел именно этого и предполагал, что другая сторона хочет того же. Поэтому, например, можно встретить иначе просто странные и, извините, довольно слабые жалобы: «Нас предали». Мол: «Нас предали. Нам лгали. Как они могли?»

Хотя, например, в целом, если говорить исторически, да, политики лгут. И да, они преследуют разные цели. Так почему же вас это так сильно задевает? Потому что, исходя из его первоначального понимания, некая подлинная общеевропейская архитектура безопасности, ведущая к глобальному миру и общеевропейскому процветанию, была чем-то само собой разумеющимся. Тут просто нужно помнить, что он вышел из среды школы КГБ начала восьмидесятых. Большинство считают её мрачной и зловещей, но именно там, внутри Советского Союза, и возник этот прозападный, проевропейский импульс.

Вся эта идея конвергенции исходила не только от либеральных диссидентов. Она в каком-то смысле возникла внутри, скажем так, самого советского государственного аппарата. И его мечта о конвергенции — о партнёрстве, основанном на взаимном уважении, — это, например, его собственная формулировка. Для него она кажется самоочевидной. Он говорит: «Я готов относиться к вам как к партнёру, достойному уважения, и предполагаю, что вы относитесь ко мне так же». Тогда как, например, в западном подходе к реальности такого понятия, как партнёрство, основанное на взаимном уважении, просто не существует. Всё строится на диалектике раба и господина. Мол, извините, если вы проиграли — значит, проиграли. А вы проиграли в 1991 году. Вот условия вашей капитуляции. Почему вообще ваше мнение должно кого-то волновать? А для него всё было иначе: «Нет, нет, нет, мы не проиграли в 1991 году. Мы, так сказать, добровольно согласились похоронить военные действия, чтобы обеспечить эту конвергенцию и процветание на всём континенте».

И вы можете увидеть, насколько даже в этой истории, в этих историях, всё не совпадает. Но люди принимают решения, исходя из той истории, в которой они живут. Это как раз пример того, почему важно понимать символическую архитектуру мировоззрения политика. В этом сценарии у Владимира Путина есть одна история: уважительное партнёрство — это желаемая общая цель. Она, в свою очередь, опирается на историю Второй мировой войны в российском понимании. Мол, мы, несмотря на все наши различия, все люди доброй воли, объединились и уничтожили абсолютное зло. И поэтому нам не следует воевать друг с другом. Давайте возьмём этот позитивный пример и вместе принесём процветание — примерно в таком духе, но в форме уважения.

Так давайте относиться друг к другу с уважением. А западная история — о хозяине и рабе, о победителе и проигравшем, о капитуляции в тысяча девятьсот девяносто первом году — это совершенно другая история. В ней просто нет слова для уважительного партнёрства. Если присмотреться, на Западе его просто нет. Есть слово «союзник», но оно очень специфическое. И я бы даже сказал, что, например, вокруг слова «союзник» у русских и у Запада снова существует большое недопонимание. Русские понимают это как дружбу. По сути, Россия приравнивает дружбу к союзничеству. Но это не так. Потому что дружба — это нечто этическое и метафизическое, тогда как союзники ситуативны, они объединяются на основе определённых интересов.

И если правила игры меняются, значит, мы больше не союзники, хорошо? Ситуация изменилась, мы больше не союзники. И поэтому, да, мы были союзниками против нацизма, но через десять лет всё стало таким: ты всё ещё варварское животное, которое причиняет мне боль, и так далее, и тому подобное. Главное, и, как мне кажется, это важно для вашей аудитории: смысл понимания этих историй не в том, чтобы сразу их осуждать, а в том, чтобы признать, что они имеют значение. То, что вам может казаться безумием, — например, даже

желание Путина иметь партнёрство может звучать для обычного европейца как безумие, — всё равно может быть системой ценностей или символическим порядком, исходя из которых он принимает свои решения.

И если вы действительно хотите понять, что он может сделать завтра, в будущем, вам нужно понимать диапазон его возможностей. Это не менее важно и для русских. Даже если вы хотите партнёрства, нужно понимать: Запад не хочет партнёрства. Того, чего вы хотите от Запада, просто нет в меню. Поэтому нужно понимать, что... И даже если, опять же, вы считаете безумием то, что это партнёрство не предлагается, если ваша цель — понимать и анализировать международную реальность, вы должны видеть её именно такой, какая она есть, а не такой, какой вам хочется её видеть.

#Pascal

Да, но это очень трудно сделать. И я полностью согласен с тем, как вы это описали. Потому что то, что кажется очевидным вам, должно быть очевидным и другим. Но особенно трудно, когда с другой стороны звучит похожий жаргон, верно? И очень хорошо, что вы на это указали: в восьмидесятые годы, в эти формирующие годы Владимира Путина, с Запада фактически звучал язык сотрудничества, тогда как Горбачёв говорил об общем европейском доме.

Джордж Буш-старший говорил об этом, знаете, из Португалии. У них тоже была своя концепция. И были такие люди, как Джек Мэтлок и другие — блестящие американские дипломаты, которые действительно говорили в этих терминах и, возможно, придерживались того же понимания. Но была и другая группа, другая компания, которая взяла верх. И затем, по сути, на десять лет произошла распродажа России. Для Владимира Путина это, должно быть, выглядело как неверные решения внутри страны. Значит, всё, что нам нужно сделать, — исправить это, а затем объяснить российскую позицию. Нам нужно объяснять её лучше.

#Pavel Shchelin

Нам нужно объяснить это лучше.

#Pascal

Нужно объяснять это лучше. И он двадцать лет пытался это объяснить, пока не стало ясно, что так это не работает.

#Pavel Shchelin

Даже сейчас, можно утверждать, что российская позиция всё ещё есть. Это стремление объяснять по-прежнему играет огромную роль в российской дипломатической традиции.

#Pascal

Вот почему он всегда обращается к истории, читает такие часовые лекции. Это часть объяснения, чтобы снова начать с общего понимания. Так в чём дело: в России или в том, что нынешнее российское руководство не понимает, как устроено понимание на другой стороне?

#Pavel Shchelin

Ну, меньше. Я бы сказал, это скорее очень внутренний конфликт внутри российской элиты. И под конфликтом я имею в виду не политическую борьбу, а, точнее, символическую трансформацию. Молодое поколение российской элиты — скажем, те, кому сейчас от сорока до пятидесяти, — гораздо радикальнее. У них нет того очарования Западом, которое, например, было у людей, чьи годы становления пришлись на восьмидесятые и девяностые. И у них нет сентиментального отношения к Европе — например, к идее общего европейского дома. Нет, не совсем. Скажем так: они гораздо более восприимчивы к риторике Караганова, к такому типу риторики. Но я хочу указать на одну важную тему.

Вы как раз заговорили о языковой проблеме, и сейчас это делает всё ещё сложнее. Потому что, например, даже когда я учился, мы все, так или иначе, усваивали либеральный, универсалистский, глобалистский язык. И даже если нам кажется, что это не так, например, язык Организации Объединённых Наций всё равно, в своей базовой лексике, остаётся либеральным и глобалистским. Если проследить его философское происхождение, он всё равно во многом идёт оттуда. Проблема в том, что сейчас каждый участник глобальной арены говорит более или менее на одном и том же языке, особенно на официальном уровне. Но смысл, стоящий за каждым словом, всё равно зависит от внутреннего символического порядка.

И именно поэтому это так трудно понять. Потому что, например, есть нынешняя ситуация на Украине. Заметьте: все говорят о мире. Все — буквально все — говорят о мире. Но то, что Россия подразумевает под миром, то, что подразумевает Украина, что украинские официальные лица подразумевают под миром, что США подразумевают под миром, что Европа подразумевает под миром, — всё это разные понятия мира. Слово одно и то же, но смысл за этим словом разный. И он не просто разный — он противоположный. То есть даже в рамках одного и того же слова нет основы для единства.

Но с точки зрения медиа и пропаганды это важно, потому что, давайте говорить прямо, уровень понимания медиа существенно снизился. Мы живём в эпоху, когда репутация мало что значит и есть стремление всё раздувать. И поэтому, например, как это часто бывает, люди вырывают слова из контекста. А потом говорят: «Ну ясно, Путин говорит... Путин сказал: э-э, мы открыты для мира». И все медиа: «Путин сказал, Путин заявил, что готов закончить войну», и так далее, и так далее. Но это не так. Потому что, когда Россия говорит: «Мы готовы к миру», она имеет в виду: «Мы готовы провести мирную конференцию, которая закрепит наши требования, например, в официальном юридическом формате». Но если вы не знаете

контекста, это легко истолковать так, как вам хочется, даже если вы действуете из лучших побуждений. А если намерения недобрые, то видно, какие огромные возможности это создаёт для когнитивной войны, для намеренных манипуляций, для специальных психопс-манипуляций, направленных на разных участников.

#Pascal

Совершенно верно, совершенно верно. Но тогда возникает вопрос: это недопонимание, непонимание или отказ понимать — всё это неотъемлемая часть игры тех, кто в неё играет? Они действительно?.. Мне просто трудно поверить, что мы с вами, наблюдая эту трагедию со стороны, можем вести такой разговор и пытаться понять, какие мотивы движут этими действующими лицами, а сами они между собой этого не делают. Поэтому я часто говорю: европейцы крайне лицемерны. Они должны понимать, что после двадцати одного пакета санкций нет никаких шансов, что следующий раунд сломает хребет этому зверю, верно? И снова, как вы сказали, нельзя вдруг просто принять политическую смерть и признать: «Мы были неправы». Но риторика, которую они используют, — это не та система убеждений, на которой основано их решение.

#Pavel Shchelin

Нет, хорошо. Это зависит от обстоятельств. В какой-то степени это по-прежнему так, потому что всё всё ещё основано, даже, скажем, в их мирных предложениях, по меньшей мере связано с этой системой ценностей: именно мы определяем правила. По сути, нынешнее так называемое европейское мирное предложение можно передать так: хорошо, ладно. Мы великодушно, благосклонно соглашаемся заморозить конфликт и включить оставшуюся часть Украины в наши военные структуры. Но русским мы говорим: ладно, берите то, что берёте, но мы никогда этого не признаем. Так что это будет серая зона, и вам всё равно придётся вернуть это так или иначе. И в конечном счёте вы всё равно ничего не добьётесь, а в итоге победили мы. Вот примерно в чём суть.

#Pascal

Мы великодушно принимаем вашу капитуляцию. Вот какова сейчас европейская идея мира.

#Pavel Shchelin

И можно сказать, что именно так это и происходит... И поэтому, например, на мой взгляд, это объясняет данный феномен. Думаю, один из ваших гостей, Александр Меркурис, много-много раз отмечал: Европа ведёт переговоры сама с собой. Но это также очень важно, потому что ваше, в кавычках, мирное предложение — или даже без кавычек — должно вписываться в вашу точную символическую картину. И если вы говорите: «Мы милостиво принимаем вашу капитуляцию», — ну, это не затрагивает основ этой брюссельской веры, можно назвать её и

так. Это не идеально, но всё ещё находится в пределах возможного. Чего она принять не может — так это реальность поражения. Мы — хорошие парни. Хорошие парни всегда побеждают. Нас не могут победить плохие парни. Если плохие парни нас побеждают, значит, плохие парни — это мы, потому что проигрывают только плохие парни. Вот видите, как начинает работать эта замкнутая логика. И это ставит под сомнение саму историю, так что...

#Pascal

Да. И переговоры европейцев между собой — это своего рода коллективная попытка понять: где предел нашего согласия? Насколько широк наш коридор возможного? А потом это выдают за результат, просто игнорируя, что этот коридор всё равно далёк от чего-либо, что было бы хоть сколько-нибудь приемлемо для русских. Да.

#Pavel Shchelin

Да, но ваша конечная цель — защитить вашу символическую картину, а не российскую символическую картину. И, не дай бог, вашу, скажем так, цель. Поэтому вам нужно постоянно оставаться в рамках этой символической картины. Вот почему я поднимаю вопрос желания. Так в чём же цель политика? И с этой точки зрения, очевидно, всё это... В каком-то смысле это лицемерие. Но это гораздо более глубокая и длинная история — о том, как мы оказались в такой кантовской реальности, где нельзя говорить о реальности войны даже, например, с исторической точки зрения, и всегда нужно сочетать это с либеральной мантрой. Но, скажем так, очевидно, ни у одной из сторон мир не является высшей ценностью. И это очень легко проверить. Я бы сказал, даже русские в некотором смысле лицемерят, когда говорят о мире.

Потому что, думаю, вы согласитесь: в международных отношениях мир не может быть высшей ценностью. Ведь какой самый быстрый путь к миру? Давайте представим символическую картину, где мир — то есть отсутствие конфликта — действительно является высшей ценностью. Именно высшей. Тогда всё остальное подчиняется этой ценности, потому что такова природа иерархии смыслов. Если что-то находится на вершине этой иерархии, всё остальное становится ему подчинено. Так вот, если на вершине вашей иерархии смыслов действительно стоит мир, то самый быстрый путь к миру — это капитуляция. Если отсутствие конфликта действительно является высшей ценностью, просто сдавайтесь. Но, очевидно, никто этого не хочет. Значит, мы хотим мира на наших условиях. А это, по сути, означает, что есть ценности выше мира, и именно они определяют наши действия. Это просто один из примеров того типа анализа, которым я пытаюсь заниматься, — объяснять решения, которые мы принимаем.

#Pascal

Это очень точное и очень верное наблюдение. То, что вы только что описали, на самом деле и составляет суть абсолютного пацифизма. Они именно так и скажут. Абсолютный пацифист

скажет: «Да, если на меня нападут, я сдамся, потому что мир — высшая ценность». Но именно поэтому большинство людей не пацифисты.

#Pavel Shchelin

Да, нет, и я бы сказал, это было бы странно объяснять. Но здесь возникает проблема лицемерия: мы живём в такой этической атмосфере в медиа, где нужно говорить о мире так, будто ты веришь, что это высшая ценность. Но, очевидно, никто не верит, что мир — это высшая ценность. Например, Европа считает миром, условно говоря, либеральный мир. Скажем так, общеевропейский мир Европейского союза. Или, как кто-то назвал бы это, проект «Европейская империя» и так далее — либеральная универсалистская ценность, порядок, основанный на правилах. Вот это высшая ценность: мир внутри порядка, основанного на правилах. Российское понимание мира — это мир в рамках, скажем, исторического... В нём по-прежнему много противоречий, но более или менее сейчас это было бы сочетание исторического подхода и суверенного подхода.

Итак, существуют суверенные государства, но они не возникают из ниоткуда. За ними стоят глубокие исторические, скажем так, традиции. И эти традиции необходимо уважать, чтобы достичь максимального процветания — или чего-то в этом роде. Это сильно отличается и от европейского, и от американского, скажем так, подходов. А дальше всё становится сложнее. Важная часть этой теории состоит в том, что она придаёт огромное значение не только позитивному, но и негативному суверенитету. Что я имею в виду? Позитивный суверенитет — это ваша способность что-то делать. А негативный суверенитет — это ваша способность не позволить кому-то что-то сделать, по сути, что-то разрушить.

#Pascal

Да, чтобы не дать кому-то вступить в клуб других. Да.

#Pavel Shchelin

Нет, просто чтобы сорвать любое решение. Я имею в виду, всё очень просто. Возьмём, скажем, эту историю с Анкориджем. Представим, что в истории с Анкориджем речь идёт об украинском суверенитете. Есть ли у Украины сейчас какой-то позитивный суверенитет? Нет, не совсем. Она не может ничего создавать. Это обречённое государство. Его власть, по сути, находится в самоубийственной спирали. И это видно по военным потерям, территориальным потерям, экономическим потерям, демографическим потерям. С тысяча девятьсот девяносто первого года к настоящему моменту они потеряли примерно половину населения. Это явная спираль смерти. Но сейчас у них всё ещё есть негативный суверенитет. Что я имею в виду?

Например, если украинское правительство, исходя из своей картины мира, не согласится на так называемую мирную сделку, организованную Трампом, Европа, Россия — все могут

согласиться. Но если они не согласятся, сделка не состоится. И в этом заключается настоящая сила негативного суверенитета. Вот почему, когда у вас, например, конфликт, в котором, скажем, шесть сторон с совершенно разными картинками мира ведут борьбу, достаточно, чтобы одна сторона не согласилась с этим, так сказать, или чтобы это решение было для неё невозможным, — и решение не будет принято. На мой взгляд, именно такова логика того, что можно назвать нынешней спиралью эскалации. Так что даже если... Хорошо, извините, продолжайте.

#Pascal

Нет, нет, извините, я не хотел вас перебивать. Я хотел бы задать этот вопрос, потому что в международных отношениях мы иногда видим моменты, когда между воюющими сторонами действительно начинаются переговоры и когда достигнутый в ходе переговоров компромисс действительно кладёт конец войне. Например, скажем, как была урегулирована война во Вьетнаме между французами и вьетнамцами. И также то, как она в итоге, уже с американцами, знаете, пошла на спад. Когда это происходит? Ведь мы не можем предполагать, что две картины мира сходятся. Но мы можем предположить — точнее, нам пришлось бы предположить, — что нечто делает их сближение неизбежным.

#Pavel Shchelin

Я бы сказал, что здесь в дело вступает реальность. Так или иначе, можно говорить о разных мировоззрениях: одно из них ближе к реальности, другое — дальше от неё. И в конечном счёте то, которое дальше всего от реальности, заплатит самую высокую цену. В истории Вьетнама были огромные проигравшие. Несколько американских администраций фактически потеряли огромный политический капитал и признали своё поражение. В итоге Америка признала своё поражение. Именно это и произошло во Вьетнаме. А главными проигравшими, очевидно, стал Южный Вьетнам. Вьетнам — очень хорошая параллель. Для западной аудитории Украина, с точки зрения международной теории, не является, но примерно похожа на Южный Вьетнам, по сути.

И, по сути, чтобы закончилась война во Вьетнаме, Южный Вьетнам должен был исчезнуть. То есть Южный Вьетнам должен был умереть. И примерно это и произошло. Я лишь хочу сказать вот что: могут ли две стороны на переговорах — например, Россия и Соединённые Штаты, или Россия и Европа — теоретически договориться, прийти к какому-то взаимопониманию? Да, могут. Но не при участии Украины. И в этом трагедия. Заметьте: как я уже говорил, в сложной истории, где, скажем, шесть сторон, достаточно одной стороне сорвать любую возможную сделку. Один из способов решить эту проблему — ограничить число сторон. Просто ограничить его.

#Pascal

Хм. Особенно если один из них — полностью зависимый прокси. Понятно. Но как насчёт примера Японии? Она ведь сделала нечто крайне, крайне, крайне маловероятное, если исходить из нашего разговора: признала поражение. Как сказал японский император в 1945 году, «претерпеть нестерпимое» и признать, что всё кончено.

#Pavel Shchelin

Ну, вы же помните... Простите, у меня дурная привычка перебивать. Я лишь хотел сказать: у этого решения был вполне конкретный контекст — две ядерные бомбы, сброшенные на Японию. До этого они были готовы сражаться до последнего, до конца. Так что, к сожалению, на мой взгляд, вы сейчас, по сути, подтверждаете возможную правоту или логику карагановской эскалации. Вы, по сути, ставите кого-то в положение, где ему приходится терпеть нестерпимое. Нужно создать альтернативу ещё хуже. Ещё хуже.

#Pascal

Дело в том, что у японцев был выбор — продолжать войну или нет, и существовало две группировки. Сторонники войны говорили: «Нет, сто миллионов мучеников. Мы хотим пожертвовать всеми. Для нас это лучше, чем сдаться». Именно они, идеологи, как мне кажется, были ближе всего к тому, что вы описали в самом начале. Другая же группа говорила: «Нет, если мы хотим сохранить нацию, то должны сдаться сейчас, чтобы спасти как можно больше». В конце концов победили они, но это был сложный политический процесс.

#Pavel Shchelin

Я имею в виду, я думаю, что это даже не политический процесс. Это уже где-то на грани героизма, святости или чего-то в этом роде. То есть такой рациональный выбор невозможно сделать, исходя из рациональных доводов. Нужна какая-то героическая, наднациональная, скажем так, группа, которая возьмёт на себя предельную ответственность. И в случае Японии это был император. Император в конечном счёте взял на себя высшую ответственность. И остаётся только сожалеть, что, например, за последние сто лет мы наблюдаем абсолютное истощение политического характера — его нет ни у одного из современных политиков.

Здесь я большой пессимист. Думаю, ни один современный политик не захотел бы взять на себя такую ответственность. Они скорее будут смотреть, как горит их семейный дом, чем пойдут на эту крайнюю форму политического самоубийства. Так что, я думаю, это немного... И снова: возможно ли это теоретически? Да. Должно ли это быть теоретически возможно? Да. Но для этого нужен настоящий героизм. Нужна настоящая жертва — абсолютная, подлинная, символическая жертва.

#Pascal

И вы имеете в виду главным образом... Я бы согласился с вашим утверждением, если применять его к политическому Западу — к европейцам и американцам. Но, как мне кажется, двадцатый век показал нам, по крайней мере мне, что и внутри — особенно внутри — Советского Союза были люди, готовые на это пойти. И Горбачёв — один из таких примеров. Он говорил примерно так: «Мы многое делали неправильно. Мы должны всё изменить».

#Pavel Shchelin

Вообще-то это плохой пример, если рассматривать его всерьёз. По сути, пример Горбачёва показывает, что мы попытались что-то изменить, но в результате получили только войну. То есть последствиями этих действий стало именно то, о чём говорил Владимир Путин: мы пережили крупнейшую геополитическую трагедию, а русские стали самым разделённым народом. И можно сказать, что война, которая идёт сейчас, — прямое следствие решения господина Горбачёва. Например, потому что единственный способ существования, так сказать, независимой Украины был бы в форме социалистической Украины, то есть фактически в одном государстве с Россией. Как только эти две сущности стали отдельными, война в долгосрочной перспективе стала в некотором смысле неизбежной. Так что это не самый удачный пример.

Можно сказать, что российское руководство способно на большие жертвы, но, опять же, только когда считает это правильным. И, как мне кажется, именно этого Запад по-настоящему не понимает. Пожалуй, главное, что он утратил в понимании российского государственного мышления, — это именно такую этическую силу, этический суверенитет. Потому что в восьмидесятые, девяностые и двухтысячные годы было огромное желание быть правыми в глазах Запада. Было огромное желание объединиться. Однако сейчас России, по сути, всё равно на мнение Запада. И ей всё равно, что думают эти соседние, извините, по сути, геодроны или прокси. И использовать это для манипуляций нельзя. Потому что самое простое... Нужно понимать, что в православной этике есть вот эта объективная... Это не слабость, это величайшая сила. Но тактически это может выглядеть так, будто мы склонны к саморефлексии.

Мы склонны идти и каяться в своих грехах. Поэтому, если вы сможете убедить меня, что я морально неправ, вы действительно можете подтолкнуть меня к саморазрушительному, суицидальному поведению. Как это произошло с Советским Союзом, как это произошло с Горбачёвым. Но Запад больше не может этого сделать. У Запада в России больше нет морального рычага. И, мне кажется, западные власти, например, по-настоящему этого не понимают. Поэтому они искренне верят, что, если снова пообещают России: «Мы скажем, что вы хорошие, просто сдавайтесь», — это сработает. И поэтому нам просто нужно ждать достаточно долго.

Нам просто нужно дождаться сорокового пакета санкций. Вы спрашиваете, что они пытаются выиграть? С их точки зрения, они выигрывают время. Выигрывают время, в расчёте на то, что так или иначе России всё ещё будет нужно наше моральное одобрение. А ценой этого

морального одобрения станут капитуляция русских и сдача русских. Такова логика этих действий. И почему это возможно? Потому что именно мы, так сказать, Запад, определяем, кто хороший, а кто плохой. В этом наш главный суверенитет. В этом наш главный политический капитал.

#Pascal

Угу. Как вы думаете — и я понимаю, что это уже слишком далеко заходит, — откуда это берётся? Потому что я с вами согласен. Мне просто интересно, где мы так... где взялся этот комплекс превосходства...

#Pavel Shchelin

Просвещение. Просвещение. Очевидно, речь о европейском Просвещении. Это сочетание быстрого технологического развития с шестнадцатого по, скажем, восемнадцатый и девятнадцатый века, когда Европа объективно была самой могущественной. Этот, извините, довольно маленький континент, который большую часть мировой истории был в некотором смысле отсталым и не самым важным. Потому что, говоря исторически, на протяжении тысячелетий цивилизация была скорее средиземноморской. Она находилась там, где сегодня вы назвали бы Грецией, Сирией, Палестиной, Египтом. И это тоже, знаете, не арабский мир. Это центр эллинистического мира. Но это не там, где находится Запад. Нужно понимать: Запад — это очень небольшая территория.

По сути, это империя Карла Великого. Таковы границы Запада. Всё остальное по-настоящему Западом никогда не было. И этот регион воспринял философию Просвещения и философию рационализма, а это означало, что для моего стремления обрести власть над материей нет никаких этических ограничений. В этом, по сути, и состоит природа научного рационализма с точки зрения его политической философии. И да, на протяжении четырёхсот лет он был, безусловно, самым крупным и самым доминирующим. Внезапно это стало выглядеть как чудо. И если ты побеждаешь четыреста лет, если четыреста лет... простите... ты побеждаешь Китай примерно двадцатью кораблями, как, например, сделали британцы в девятнадцатом веке, колонизируешь континенты, то Россия в этом смысле — своего рода заноза.

Почему Россия стала такой занозой во всей этой истории? Несмотря на то, что они похожи на нас, могут говорить на нашем языке, что они белые, что находятся на том же континенте. Они, в некотором смысле, мешали или разрушали наш глобалистский порядок. Они уничтожили Наполеона, уничтожили Гитлера, разрушили многое другое. И они так и не стали по-настоящему... Мы не можем им доверять. Вот почему Россия всегда была такой большой занозой для этой, можно сказать, просвещенческой, глобалистской, секуляризованной версии, по сути, империи Карла Великого, соединённой с идеями рационализма и прогрессизма.

#Pascal

Спасибо. И, может быть, последнее. У меня на канале было несколько мыслителей-марксистов. И марксисты отвергают термин «глобализм», потому что для них это более слабая форма того, что они называют империализмом. Они возводят его не к стремлению создавать империю, а к капиталистической логике, к устройству экономики, к извлечению ренты и так далее, которым неизбежно требуется расширение. И они возводят это именно к этому. Насколько это, в каком бы то ни было виде, важно и для вашего анализа? Или ваша терминология «глобализма» исходит из более моралистической позиции?

#Pavel Shchelin

Да, хороший вопрос. И сразу уточню: я точно не использую эти слова в марксистском смысле. Когда я говорю о глобалистах, я скорее имею в виду вполне конкретную группу влияния. В моей картине мира их, так или иначе, можно считать строителями Вавилонской башни. И основание может быть разным. Это может быть прогресс. Это может быть свобода — в кавычках. Это могут быть права. Но сама идея, скажем так, носит агностический характер. Поэтому я бы скорее использовал слово «агностический». То есть есть такое агностическое представление: мы можем превратить этот мир в рай на Земле с помощью особого знания. И именно мы являемся хранителями этого знания.

И это, в некотором смысле, очень просвещенческая, ключевая для эпохи Просвещения идея, которая, на мой взгляд, лежит в основе любой формы глобализма. По сути, на мой взгляд, марксизм тоже можно рассматривать как одну из форм глобализма. У нас есть истинное знание — так называемая диалектика истории, — которое объясняет нам, как всё устроено, как действуют классы. Мы знаем, каково конечное состояние истории: объединение всех пролетариев. И это видение, охватывающее весь мир. Так что, если говорить технически, это тоже глобализм. Так что империя... Да, сама концепция империи, на мой взгляд, заслуживает отдельного долгого разговора, потому что её глубоко неправильно понимают.

#Pascal

Это очень интересно. Большое вам спасибо. Мы ведь даже не приблизились к сколько-нибудь полной картине, но мне действительно очень интересно вас расспрашивать и понимать, как вы осмысляете самую суть проблемы. Как вы считаете, мы охватили общую картину? Может быть, мы что-то упустили, чем вам всё ещё хотелось бы поделиться и сказать: вот это тоже действительно, действительно важно?

#Pavel Shchelin

Я просто хочу привести вашей аудитории один пример. Вы ведь часто задаёте своим гостям вопрос: чем всё закончится, как всё будет развиваться, что вообще происходит. И я хотел бы, на мой взгляд, объяснить им ситуацию, которая складывается внутри российского механизма принятия решений.

#Pascal

Так что это может быть полезно, и, возможно, мы это увидим. Кто знает, может быть, в следующий раз, когда мы поговорим, мы сможем посмотреть, сработало это или нет.

#Pavel Shchelin

На мой взгляд, цели российских руководителей с начала 2022 года, по сути, не изменились. Они хотели того, что сами называли бы безопасностью на своих западных границах. Они хотели, чтобы с территории Украины никогда не исходила угроза территории России и российским людям. И они по-прежнему этого хотят. Меняется другое. Если в 2022 году они наивно полагали, что этого можно достичь через соглашение с Украиной или соглашение с Западом, то теперь всё больше из них — неохотно и, возможно, с некоторой обидой — признают: единственный способ добиться этой первоначальной цели — решить украинскую проблему.

К сожалению, единственный способ для России гарантировать, что с этой территории не будет исходить никакой опасности, — это так или иначе контролировать её. Но именно поэтому важно понимать символику, то есть откуда всё это берётся. Для вас это может выглядеть так: «Ну вот, они всегда хотели её захватить». И кто-то из вас может сказать, например: «Я же говорил вам двадцать лет назад. Видите, они её взяли. Вот чего они всегда хотели». Но одно и то же решение, один и тот же итог, на самом деле могут быть результатом совершенно разных символических представлений. И, по-моему, в этом и заключается настоящая трагедия международных отношений — для тех, кто хотел бы, чтобы они были более мирными.

Итак, самосбывающееся пророчество — именно это и происходит. Это история о самосбывающемся пророчестве. И чтобы понять, почему этот сценарий по-прежнему наиболее вероятен, достаточно уже сегодня посмотреть на список предполагаемых альтернатив Зеленскому, популярных на Украине: такие люди, как Фёдоров, Буданов, Драпатый, Сырский, Залужный. И никто из них, никто из них, не готов. То есть даже в этой воображаемой картине ни для одного из них нет места для Украины, откуда не исходила бы угроза России. Нет, для них такого просто не существует, и поэтому они никогда на это не согласятся. А если они никогда на это не согласятся, то ради достижения этой изначальной цели — которая одновременно может быть очень ограниченной, но и потенциально огромной, — цели обеспечить собственную безопасность так, как вы, скажем, её понимаете, вы будете продвигаться всё дальше, дальше и дальше, пока не достигнете определённого предела.

Именно это, как я считаю, и происходит. Поэтому я думаю, что все, в кавычках, попытки заморозить конфликт или добиться мира потерпят неудачу, потому что они просто не затрагивают ключевую российскую проблему.

Проблема в том, что невозможно устранить ключевую обеспокоенность России без того или иного контроля над территорией. И если посмотреть, что говорят Европа и Украина, это становится совершенно ясно. Просто совершенно ясно. И невозможно удовлетворить это самое первоначальное желание Российской Федерации. Вот и всё.

#Pascal

По-моему, всё довольно просто. Пока Запад понимает безопасность как сдерживание, добиться её не получится, потому что вам постоянно приходится угрожать России. А единственное, чего Россия не хочет, — это чтобы ей угрожали.

#Pavel Shchelin

Да, но ключевая проблема даже не в Западе. Честно говоря, даже Запад может сказать твёрдое «нет». В этом и заключается более трагичная часть. Допустим, русские потенциально могли бы согласиться на заморозку с Западом. В этом, собственно, и состоит настоящая трагедия. С Украиной добиться заморозки невозможно. Вот в чём главное. В конечном счёте, именно это я и имею в виду. Ни один украинский политик не будет готов прекратить преследования, принять нейтралитет украинского государства, провести демилитаризацию, восстановить права Русской церкви, восстановить права русских людей, восстановить права русскоязычных. И украинские националисты говорят об этом совершенно открыто. И это нужно понимать и с их точки зрения, исходя из их собственной истории. А история эта очень проста: если мы сделаем всё это, то чем мы будем отличаться от русских? Тогда украинцев не будет. Если Украина не враждебна России, она фактически станет частью России.

И они правы. Потому что, если говорить исторически, это один и тот же народ. Белгород и Харьков были построены при одном и том же царе, в рамках одного и того же процесса. Вся эта территория складывалась в рамках одного исторического единства. Так что, если только постоянно не бороться против России — с точки зрения украинского национализма, — это единственный способ сохранить Украину, сохранить дух Украины. Это очень важная часть этой истории, о которой говорят очень немногие. И российскому руководству потребовалось очень много времени — и процесс всё ещё очень масштабный, думаю, он всё ещё продолжается, — чтобы понять: не может существовать мирная, нейтральная Украина, дружественная России. Это просто невозможно. Потому что внутренняя логика государства, этой идеологии, антироссийская. Для украинского национализма перестать быть антироссийским — значит умереть, значит перестать быть украинским национализмом. Вот примерно так...

#Pascal

Хорошо, нам нужно остановиться, потому что наш час уже подошёл к концу. Но мы обязательно должны ещё раз это обсудить, потому что есть такие примеры. Например, Грузия. Грузия отошла от этого.

#Pavel Shchelin

Очень хорошо. Разница большая. У Грузии есть своя церковь, и это очень ясно. Грузина от русского без труда отличишь. А у украинцев единственное, что их отличает, — это идеология. То есть нет... то есть язык один и тот же. Простите, с исторической точки зрения, для большей части этой территории историческая судьба одна и та же. Опять же, вся южная и восточная Украина до восемнадцатого века, до того как русские люди, можно сказать, колонизировали её, была незаселена. Это было дикое поле: степи, татары. Никакой украинской государственности не существовало. Не существовало и украинской идентичности. И можно углубиться в историю и увидеть, что это проблема. Вот в чём разница с грузинами. У них есть собственная сущность, если можно так выразиться, на которую они могут опереться. И для них, да, быть враждебными или не быть враждебными — это выбор.

Но для них назвать себя не русским — это не значит убить в себе грузина. Да, он явно грузин, и в этом нет никакой проблемы. Для украинцев такого варианта просто не существует. Потому что в тот момент... Потому что... Знаете, как называется книга первого президента Украины Кучмы? «Украина — не Россия». Проблема — в её идентичности. Именно. Она — не Россия. В этой идентичности нет ничего позитивного. Но это, своего рода, российское представление. И российское требование к Украине фактически звучит так: «Мы требуем, чтобы вы перестали быть анти-Россией». И это...

#Pascal

Мы требуем, чтобы вы отказались от своего права на существование. По сути, именно так это звучит для украинцев.

#Pavel Shchelin

Да, потому что единственное, на чём основано моё право на существование, — это не быть вами. Ну, сами видите, насколько это обречено, если говорить с исторической точки зрения.

#Pascal

Спасибо, Павел. Я всегда рад, когда мы в итоге приходим к неизбежности трагедии. Я всегда хватаюсь за соломинку, всегда пытаюсь найти что-то позитивное. Но иногда важнее быть реалистом, чем безнадёжным оптимистом. Павел, куда обратиться людям, которые хотят найти ваши работы? Особенно тем, кто слушает нас на английском.

#Pavel Shchelin

Итак, недавно мы запустили англоязычный канал, ссылку на него вы найдёте ниже. Там меньше геополитики и больше символизма. Так что, если вас интересуют вопросы символизма, символической реальности, заходите и подписывайтесь. Дальше будет больше. Сейчас я записываю несколько серий интервью.

#Pavel Shchelin

А если вы следите за Россией, просто погуглите моё имя по-русски — и найдёте канал в Телеграме, каналы на Ютубе. Это совсем не сложно. В основном я там.

#Pascal

И вы пришлёте мне ссылки, которые я должен добавить в описание. Я размещу их ниже, и тогда вы сможете их найти и перейти по ним. А теперь, когда с этим разобрались, Павел Шалин, большое спасибо, что нашли сегодня для нас время.

#Pavel Shchelin

Большое спасибо.